

Новость о победе в матче по цуцзюй мгновенно разнеслась по столице, и студенты Академии Гоцзыцзянь несколько дней ходили с гордо поднятыми головами, буквально расчищая себе дорогу.

Раньше студенты Академии не особо интересовались игрой в цуцзюй, но теперь, после публичной победы, все внезапно увлеклись этим видом спорта. После занятий они с радостью отправлялись на поле, чтобы погонять мяч.

Ведь они били не просто мяч, а лицо Стражи в парчовых одеждах!

Даже тётушка Сюй, продающая завтраки у входа в академию, узнала о победе и спросила Хэ Чжияна:

— Я слышала от Ицина, что вы выиграли матч против студентов военной школы?

— Конечно. — Хэ Чжиян никогда не умел быть скромным, и сразу же оживился:

— Тётушка Сюй, мы просто разгромили их. Лица у Стражи в парчовых одеждах позеленели.

Вспоминая эту сцену, он едва сдерживал смех.

Тётушка Сюй не совсем понимала, но тоже смеялась:

— Это хорошо, это хорошо. Но всё-таки вы соседи, часто видите, так что не портите отношения.

Хэ Чжиян усмехнулся, но не ответил.

Тётушка Сюй, подумав, наконец спросила:

— А тот стражник, который помог нам в тот раз, тоже участвовал в матче? Я его уже несколько дней не видела.

Каждый день она, как и для Хэ Чжияна, готовила горячие булочки, ожидая, что тот юноша появится, но так и не встретила его.

У него были отличные навыки, и, вероятно, он неплохо играл на поле.

Но Хэ Чжиян лишь усмехнулся и тихо сказал:

— Конечно, он играл, и проиграл очень сильно. Думаю, ему стыдно показываться на глаза.

Тётушка Сюй удивилась:

— Вот как... Поэтому я его и не видела... Но вы же просто играли, ничего страшного. — Она помолчала и добавила:

— Вот, я приготовила для него пирожки со сладкой начинкой. Может, ты отнесешь их ему? Это будет как помощь мне.

Тётушка Сюй думала просто: молодые люди играют, победы и поражения — это нормально. Зачем портить отношения?

Тот юноша, судя по всему, был гордым, и публичное поражение, вероятно, сильно его задело.

Если Хэ Чжиян сходит к нему, отношения между школами могут немного улучшиться.

Но Хэ Чжиян фыркнул:

— Я не пойду. Он не заслуживает такого отношения.

Хочет, чтобы я лично отнес ему еду? Цяо Юэ, этот проигравший, не достоин такого.

— Сходи для меня. — Тётушка Сюй взяла бумажный пакет с пирожками:

— Это моя благодарность. Он помог мне тогда, а я ничего не могу сделать для него...

Хэ Чжиян почесал подбородок, глядя на её полные надежды глаза, и не смог отказать.

На самом деле, отнести еду Цяо Юэ было не так уж сложно, но он... всё-таки недавно передал ему любовное письмо. Прошло всего десять дней, и после матча стоило держаться подальше.

Он не хотел идти к Цяо Юэ в этот чувствительный период, но не мог разочаровать тётушку Сюй. Взяв горячие пирожки, он направился к зданию офицерской школы Стражи в парчовых одеждах.

Глубокой зимой ворота Стражи были полузакрыты. Несколько человек стояли в кругу, обсуждая что-то, похожее на учебное занятие.

Хэ Чжиян осторожно подкрался, чтобы подслушать, но едва он прижался к двери, как внутри раздался крик.

Он вздрогнул, едва не уронив пирожки.

Это... они, наверное, снова кого-то пытаются.

Даже в школе они не скрывают этого... Как они могут каждый день заниматься такими ужасными вещами!

Хэ Чжиян раздраженно крикнул:

— Тысячник Цяо, какой величественный!

Цяо Юэ обернулся и увидел Хэ Чжияна, держащего бумажный пакет и сердито выглядывающего из-за двери.

Он стоял уверенно, значит, нога уже зажала.

Цяо Юэ подошел к нему, слегка опустив уголки губ:

— Это не место для тебя.

— Ха? Думаешь, я хотел сюда прийти? — Хэ Чжиян поднял бровь и сунул ему пакет:

— Вот, тётушка Сюй попросила передать тебе пирожки, со сладкой начинкой. Поешь, когда устанешь от своей важности.

Дверь в класс была открыта, и все внутри замерли в изумлении.

Тысячник недавно ел сладкие пирожки... Оказывается, это Хэ Чжиян привил ему эту

привычку?

Тут же раздались насмешливые возгласы.

После того, как они вместе ели жареное мясо, отношения между школами начали улучшаться, но после матча всё снова вернулось к прежнему холодному состоянию.

То, что любят соседи, они категорически избегают!

То, что едят соседи, они презирают!

Но их величественный тысячник! Как он мог поддаться сладким пирожкам!

Хэ Чжиян встал на цыпочки, заглядывая внутрь, и с подозрением спросил:

— Что вы тут делаете?

Цяо Юэ преградил ему путь рукой:

— Не смотри. Урок допросов.

— Что? Есть и такие уроки? — Хэ Чжиян почувствовал, как по коже пробежали мурашки:

— Вы там кого-то избивали, да?

Цяо Юэ спокойно ответил:

— Стража в парчовых одеждах занимается допросами, поэтому мы должны тренировать свои навыки, чтобы действовать аккуратно в будущем.

Хэ Чжиян нахмурился, чувствуя недоумение:

— А кто тогда служит вашим объектом для тренировок? Ему должно быть очень жалко.

— Это заключенные из императорской тюрьмы. — Цяо Юэ, раздраженный его взглядом, неохотно объяснил:

— Они заслуживают смерти, так что о каком сострадании речь?

Хэ Чжиян настаивал:

— Ага? Могу я спросить, тысячник Цяо, за что они попали в императорскую тюрьму и какое наказание заслуживают?

Императорская тюрьма всегда действовала без четких законов, и методы наказания были жестокими, что вызывало осуждение общества.

— Что? — Цяо Юэ разозлился, его лицо стало холодным:

— Ты пришел сюда, чтобы допрашивать меня?

Едва он закончил, изнутри снова раздался ужасный крик.

Вокруг царила пустошь, и холод проникал до костей.

Хэ Чжиян скривился. Зачем спорить с бездушным слугой власти?

— Тысячник Цяо, продолжайте свои дела. Вижу, вы заняты, так что, наверное, у вас нет времени на завтрак? — Хэ Чжиян, не желая продолжать разговор, схватил бумажный пакет:

— Это тётушка Сюй специально для вас оставила. Она несколько дней говорила о вас. Она считает вас добрым человеком, который помог ей, а вы тут мучаете людей?

Хэ Чжиян не дал Цяо Юэ шанса ответить, быстро навесив на него несколько ярлыков.

Цяо Юэ поднял бровь, но промолчал. Ему действительно нечего было возразить.

Он был стражником, и, если не сказать, что он был печально известен, то уж точно не ассоциировался с добротой.

Но видя, как Хэ Чжиян сердится, он почувствовал странное разочарование.

И тётушка Сюй... она беспокоилась, завтракал ли он.

Кроме рано умершей матери, кто ещё заботился о том, ест ли он?

Он, притворяясь добрым, случайно совершал «добрые» поступки, и кто-то поверил в это.

Цяо Юэ, глядя на удаляющуюся фигуру Хэ Чжияна, вздохнул и, поманив пальцем, подозвал одного из стражников, чтобы отдать распоряжение.

После занятий Ли Сяо похлопал подчиненного по плечу, готовясь вместе выполнить задание и получить деньги.

Но стражник выглядел неловко:

— Тысячник сегодня утром приказал... остановить это дело...

— Остановить? Почему? — Ли Сяо мгновенно охладел:

— Разве Стража в парчовых одеждах отказывается от добычи?

Его отец был заместителем командующего, всего на ранг ниже отца Цяо Юэ.

Они учились вместе в столичной школе и почти не расставались.

Ли Сяо обычно следовал за Цяо Юэ, редко споря с ним.

Но несколько дней назад Цяо Юэ публично заставил его сдержать слово и поклониться Академии, что вызвало у Ли Сяо негодование. Он хотел найти повод для конфликта, чтобы вернуть своё лицо.

А сбор ежемесячной платы уже был в кармане Стражи, и теперь, когда всё остановлено, он, как по службе, так и лично, не мог этого принять.

Стражник колебался:

— Тысячник приказал, я не могу послушаться.

— Приказ тысячника? Даже если Усмиритель Не узнает, он скажет продолжать! — Ли Сяо

холодно ответил:

— К тому же дело уже начато, и если деньги не будут собраны... Ха, у Цяо Юэ есть деньги, чтобы покрыть расходы, а у тебя?

Стражник опустил голову и не ответил.

— Тысячник занят, он мог ошибиться, но мы, братья, должны за него думать. — Ли Сяо похлопал его по плечу:

— Пошли! Я пойду с тобой, только постараемся не привлекать внимания!

Когда студенты обеих школ разошлись, Ли Сяо с несколькими стражниками выбежали, как волки, и одним ударом опрокинули шатрый лоток, качавшийся на зимнем ветру.

<http://bllate.org/book/16783/1543420>